

4.03.94

Пугачева Алла

20

ПЕСНЯ ОСТАЕТСЯ

7 МАРТА 1997 Г.

ТРУД-7

ОДИН НА ОДИН

Заканчивались шестидесятые, заканчивалась зима. И если в первом обстоятельстве Тюмень не сомневалась, то второго просто не чувствовала. Зачастившие в апреле выюги мгновенно сгущали сумерки и наращивали сугробы до подоконников.
В Доме культуры нефтяников было тепло, светло и людно. Дом пах свежей краской, он праздновал свое открытие. Среди приглашенных из Москвы была и она, скромно обозначенная в отпечатанной на машинке программе как «певица». Находилась эта певица даже не в начале, скорее, в преддверии карьеры, стремительный завтрашний ее взлет почувствовать было еще трудно. Тюмень почувствовала.

Дождавшись очереди, она вышла на сцену — тоненькая, хрупкая, в строгом платьице, вместо рыжей копны — аккуратно подстриженный каштановый колокольчик. Села к роялю, произнесла сбивчиво в микрофон стихи, самолично написанные к случаю, и ударила по клавишам.

Пела не заливованное и рекомендованное реперткомом. Пела про то, что «Прилепился к окшку лист, это значит, что всю ночь под осенним свист дождик плачет». Про некую цветочницу, которая, наплевав на расположение короля, сбегала от него ночью с ... шутом. И собственную песню спела — трагическую, под обожаемую Пиаф: «Брошенный в кресло клетчатый плед и запах дыма твоих сигарет, и этот вальс, наш единственный вальс!..»

Зал бушевал. Кипел за кулисами и Юрий Георгиевич Эрвье. Геролог, доктор наук, первооткрыватель тюменских богатств, Герой Труда, лауреат и прочая, и прочая. В нем до конца дней бурлили, не создавая однородной смеси, две крови — азербайджанская и французская, посему был Эрвье горяч и прозорлив. Он успел полюбить юную певицу, которую наша радиостанция «Юность» уже дважды брала с собой в творческий десант, как это тогда называлось, в Западную Сибирь. Она даже получала неслыханные по тем временам гонорары: за концерт на де-

ревенском рыбзаводе — огромную селедочную банку паюсной икры, а на зимнем Ямале, чтоб не коченела в демисезонном пальтишке, ей на бросили на плечи ослепительно белый новенький дубленый полушубок!

— Ничего не понимаю! — перекивая зал, сверкал глазами Эрвье, как будто я ему мог что-то объяснить. — Совсем же девочка, молодая, красивая. Ты позабавляй меня, порадууй, заведи — так не-е-ет! Переживает, как взрослая женщина. Обидно...

Так начиналась Алла Пугачева. Внимательный читатель, разумеется, понял, что речь именно о ней.

К бардам она была равнодушна еще тогда, интереса к авторской песне с годами у нее не убавилось. И в своем сочинительстве не ограничилась первым опытом. Помните альбом «Не делайте мне больно, господа»? «Мэри! Где шипы, там и роза. Мэри! Где стихи, там и проза...» — это ее собственное, оттуда. А что за прелесть совсем свежая песня, уже записанная Пугачевой для альбома будущего, — о блистательной Примадонне, всегда окруженной восторженной толпой — и всегда

одинокой...

Не могу забыть одну историю, расскажу, как запомнилась. Как-то среди ночи ей мучительно, невыносимо, до спазма в горле вдруг захотелось позвонить Высоцкому: «Слушай, Володя, извини, поздно, но я знаю, ты по ночам часто не спишь, мучаешься строчками, а я только что твою «Беду» записала, классно получилось, по-моему, совсем не так, как у вас с Мариной, но я что-то в твоей «Беде» почувствовала, о чем ты и не подозревал, хочешь, прямо сейчас запись поставлю, а ты скажешь, что у меня вышло!»

Не позвонила. Утром позвонила ей: умер Владимир Высоцкий. Совсем недавно говорили мы с ней о новой программе, которую она готовит, устав отдыхать.

— Где же твои обещанные барды? Мне они нужны. Обманчивая их простота нужна. Когда непонятно, где кончается стих, текст, а начинается разговор один на один.

В пленке, которую записала восемнадцатилетняя Алла Пуга-

ла, где искать тебя — не знала, телефоны вы меняете чаще, чем убеждения, а по замыслу для кино мне требовалась такая «ню вейв...»

Рискну опубликовать свой, изначальный вариант «Терема».

Нынче вечером в ЦДРИ барды поют славным своим женщинам. Значит, и тебе, Алла Борисовна. Так что прими наши поздравления, и — как говаривал Высоцкий — быть добру!

Борис ВАХНЮК.
Фото из архива автора.

ТЕРЕМА

Ах, как трудно тебе, ах, как трудно!

Не хватает ни силы, ни слов,
И обиды твоей голос трубный —
Громче всех на земле голосов.

Понастроила сама
Из надежд
Терема —
Вот и ищешь теперь
Своего,
Того — в толпе!

Я ж совсем на него не похожий,
Я не смыслю в твоих теремах.
Я какой-то случайный прохожий,
На тебя налетевший впопыхах.
Нужно было тебе оглядеться,
Две руки мои прочь отвести,
Нужно вовремя было из детства
В подобающий возраст уйти.

Понастроила сама
Из надежд
Терема —
Вот и ищешь теперь
Своего,
Того — в толпе!

1965 г.